

УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

Перевод Николая Голя

Уильям Шекспир

Сонеты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26121763

Сонеты: Геликон плюс, Союз писателей Санкт-Петербурга; СПб.; 2017

ISBN 978-5-00098-123-8

Аннотация

Сонеты Уильяма Шекспира (1564–1616) неоднократно переводились на русский язык – в том числе и весь их корпус, традиционно насчитывающий 154 стихотворения. Тем не менее, во многом они остаются (и навсегда останутся) открытыми для новых прочтений. В очередном полном русскоязычном своде сонетов «британского барда» он предстает человеком мятущимся, полным страстей и желаний, искренне любящим и ироничным, одинаково беспощадным к себе и миру.

Содержание

1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	13
7	14
8	15
9	16
10	17
11	18
12	19
13	21
14	22
15	23
16	25
17	26
18	27
19	29
20	30
21	31
22	33
23	34

24	35
25	36
26	37
27	38
28	39
29	40
30	41
31	42
32	43
33	44
34	45
35	46
36	47
37	48
38	49
39	50
40	51
41	52
42	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Уильям Шекспир

Сонеты

© Голь Н. М., перевод, 2017

© «Геликон Плюс», макет, 2017

1

Мы все мечтаем, чтобы красота
Не ведала смертельного урона.
Увянув, роза падает с куста,
Но расцветают свежие бутоны.

Ты ж с красотой своею обручен.
Ты враг себе, хоть сам о том не знаешь.
Одновременно роза и бутон,
В себе самом ты сам себя сжигаешь.

Средь изобилья голод сеешь ты,
Цветок весенний, украшение мира,
Но там, где речь о тайнах красоты,
Не скряга богатеет, а транжира.

Скупец, увянув, вновь не расцветет —
Он, как могила, всё и вся пожрет.

2

Когда пойдут на приступ сорок зим,
По лбу ведя осадные траншеи,
Что сможешь ты сказать друзьям своим?
«Я был красив»? – куда еще глупее.

Ведь будет ясно видно всем подряд,
Как время верх берет над брэнной плотью
И юности изысканный наряд
В обноски превращается, в лохмотья.

И ты смолчишь. А жил бы поумней,
Сказать бы мог: «Ребенок стал итогом
И лет моих, и красоты моей
И оправданьем всем земным тревогам,

И, становясь дряхлее с каждым днем,
Я вечно юным пребываю в нем».

3

На собственное глядя отраженье,
Скажи себе: «Пора уже давно
Создать его живое продолженье,
Подругу осчастливив заодно:

Ведь жаждет невозделанное лоно
Глубокой вспашки, чтоб зерно принять.
Лишь сумасброд противится закону,
Велящему себя воссоздавать».

Ты – зеркало для матери: ведь ныне
Ее весна в тебе отражена,
И ты свой вешний день увидишь в сыне,
Из старости смотря, как из окна.

Или желаешь, чтобы смерть пришла,
Навеки занавесив зеркала?

4

Ты красотой неслыханно богат,
Но пользуешься ей не так, как надо.
Природа не дарует – вносит вклад
И вправе дивидендов ждать от вклада.

А ты, сквалыга, всё к себе прибрал,
Не отдал в рост, и вот беда какая:
Вчистую обесценишь капитал,
С самым собою сделки заключая.

Когда тебя Природа призовет —
Её-то не обманешь, нету спора —
Какой ты дашь финансовый отчет
Суровейшему в мире кредитору?

Богач, ты жизнь покинешь, как банкрот,
И всё, что нажил, в гроб с тобой пойдет.

5

Спеша по кругу стрелки часовой,
Шедевры Время создает сначала,
Потом, глумясь над этой красотой,
Уничтожает, не грустя нимало.

Цветов живых вдыхаем аромат,
А Время саван шьет на всё живое.
Промчится лето; благовонный сад
Неумолимо встретится с зимою.

Истлеет зелень, выюги будут выть,
Цветы лежать под снегом, как в могиле...
Но можно лето хитростью продлить,
Настой цветочный заточив в бутылки.

Так Время мы сумеем обмануть:
Вид изменен, но неизменна суть.

6

Зима рукой безжалостной своей
В тебе задушит лето, но пока
Не поздно эликсиром летних дней
Наполнить лоно ждущего сосуда.

И не грусти о том, что снес в заклад:
Чем выше ставка будет у залога,
Тем несомненной станешь ты богат —
Отдашь пустяк, зато получишь много.

Себя воссоздавая, каждый прав.
Он, в никуда уйдя, не канет в нетях,
Но, груз наследства детям передав,
В десяток раз богаче станет в детях,

А тот, кто в своенравии упрям,
Всё передаст кладбищенским червям.

Когда восходит солнце, с властной силой
Костром кудрей озолотив простор,
К младенчески-прекрасному светилу
С восторгом обращают люди взор.

Когда оно, небесный холм осияя,
К нам из зенита изливает свет,
Как не сказать о выросшем светиле:
«Се – человек в расцвете зрелых лет!»

Когда оно на склоне дня уходит,
Хромая, покидает небосвод,
То всякий поневоле взгляд отводит,
Хотя и знает: вновь оно взойдет.

Но ты-то – если ты не заведешь
Наследника – уйдешь и не взойдешь.

8

Ты так хорош, как музыка сама,
Но почему, друзьям своим на диво,
Всей силою холодного ума
Противишься ответному мотиву?

Секрет созвучья – в сочетанье нот.
Согласия узор не будет вышит,
Когда одна один напев ведет,
Другая – свой и первую не слышит.

Родится не мелодия, а чушь.
Но музыкой сладчайшею на свете
Окажется союз двух струн, двух душ,
Когда им подпевают струнки-дети.

А долго ли поет одна струна?
Порвется раньше времени она.

9

Заранее предвидя для жены
Печаль вдовы, не хочешь ты жениться
И думаешь, что дети не нужны —
Зачем сиротам в горести томиться?

Мот всё свое другим отдаст сполна —
Твое ж богатство без следа истлеет.
Жизнь овдовеет — не одна жена,
Не дети — вся земля осиротеет.

Твой образ мог бы, не сходя на нет,
В семье светиться искрою живою,
А одинокий, ты покинешь свет,
Огонь любви похоронив с собою.

Так сотворишь ты жалости во имя
Злодейство над собою и другими.

Что о любви с тобою говорить,
Когда ты в ней не смыслишь ни на йоту?
Ты был любим – и часто? Может быть.
Да только сам не любишь никого ты.

Кто радость жизни ставит ни во что,
Тот сам ее заставит мало стоять.
Позор и стыд! Ты разрушаешь то,
Что следует неумоимо строить!

Жаль пламень сердца тратить на чужих?
Отвечу так на довод слишком слабый:
Раз не умеешь ты любить других —
Себя попробуй пожалеть хотя бы.

Тогда, свой облик искренне любя,
Захочешь в детях повторить себя.

11

С годами неизбежно увядая,
Мы расцветаем ярче и щедрей —
Но эта поступь Времени двойная
Известна лишь имеющим детей.

Не вливший крови в продолжение рода
Исчезнет через трижды двадцать лет,
И холод безысходного исхода
Кромешный тьмой оденет белый свет.

Тот, кто уродлив разумом и статью,
Пушай остережется дать приплод,
Ты ж – перстень с благородною печатью,
И оттисков твоих Природа ждет.

А если не оставишь отпечатка,
Во мраке смерти сгинешь без остатка.

12

Когда я слышу мерное «тик-так»,
Гонящее рассвет на встречу с тьмою,
И вижу, как цветок увял и как
Смоль локонов покрылась сединою,

Когда безлистным веткам вдоль тропы
Не удержать дождей осенних слёзы,
Когда белобородые снопы
Навалены в печальные обозы, —

Я думаю: а не такой ли ждет
Тебя конец? Предвидишь ли его ты?
Серп Времени безжалостно пожнет
Все прелести твои и все красоты.

Тот – только тот! – навек продлит свой век,
Кто до ухода новый даст побег.

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night.

13

Ты – это ты, но лишь на краткий срок:
Не долее, чем дни земные длятся.
Чтоб твой неповторимый облик смог
И после смерти средь живых остаться,

Ты должен, памятуя о своей
Грядущей неминуемой кончине,
Оставить в мире по себе детей —
Явиться в дочке, воплотиться в сыне.

Безумен, кто не хочет уберечь
Себя от подступающей угрозы
И не желает ставить в доме печь,
Забыв про смертоносные морозы.

Не дай к себе проникнуть стуже лютой!
Ты – сын отца, так стань отцом кому-то!

Я не астролог и не звездочет,
Но все-таки могу давать прогнозы.
Нет, не о том, когда удача ждёт,
Когда – чума, голодомор и грозы;

Что будет завтра, я не предскажу,
И как пойдут дела у власть имущих,
И не в ночное небо я гляжу,
Чтобы предвидеть ход времен грядущих:

Мне две звезды твоих лучистых глаз
Вещают, прогоняя прочь потемки,
Что совершенство будет жить средь нас,
Всецело воплотясь в твоём потомке.

А если ты потомства не оставишь —
Без совершенства целый мир оставишь.

15

Всё, что растёт, умрет в свой срок, не так ли?
Побег, стремящий к небу юный рост,
Сгниет в конце вселенского спектакля,
Представленного по указке звезд.

И людям свыше тот же дан порядок,
Он в каждой человеческой судьбе:
Младенчество – подъем – расцвет – упадок —
Смерть – и исчезла память о тебе.

Как грубо разрушительные годы
День юности преображают в ночь!
Но, может быть, презрев закон Природы,
Друг другу дружбой сможем мы помочь,

И, став с тобой подвоем и привоем,
Мы сроки общей юности удвоим?

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment

Стихи бесплодны. Им не защитить
Тебя от злобы Времени-тирана,
Но ты ведь можешь сам плодоносить —
Еще не поздно и уже не рано.

Бесплодна кисть, как и созвучья слов:
Здесь — лишь подобье, там — лишь перепевы,
А сколько невозделанных садов
Ждут не дождутся твоего посева!

Так возвращай же новые цветы,
Пусть повторяют они во всходах дружных
Черты твоей чудесной красоты —
И внутренних достоинств, и наружных.

Ты сам себе и кисть, и карандаш:
Отдав пустяк, опять себя создашь.

Пройдут года, и – следует смириться
С бессильем поэтической тщеты —
Мои стихи предстанут лишь гробницей,
Хранящей прах отжившей красоты.

Пусть воплощу с подробностями всеми
В стихах своих твой истинный портрет,
«Такого, – молвит будущее время, —
В прошедшем нет и в настоящем нет».

Всем скажут выцветающие строчки,
Что, плоть воображенья теребя,
Болтун-старик во лжи дошел до точки.
Но если сын родится у тебя,

Ты вечно будешь жить, причем вдвойне:
Внутри моих сонетов и вовне.

18

Нет, не сравню тебя я с летним днем —
Ты многожды нежней и постоянной,
А он то сух, то слезы льет дождем,
То в поздний час чреват прохладой ранней,

То ветер совершит на сад набег,
То око солнца скроется за тучей...
Прекрасное прекрасно не навек,
Причиною всему в природе случай.

Тебе же предназначено судьбой,
Не ведая о времени и сроках,
Блистая неизменной красотой,
От смерти сохраниться в этих строках

И на века в них обрести приют:
Они живут — и жизнь тебе дают.

19

Ты, Время, всё сжираешь: когти льву
Ты тупишь, тигру зубы выдираешь,
На отпрысках земных растишь траву
И птицу Феникс навсегда сжигаешь,

Пытаешь нас морозом и огнем...
Давай! Я не страшусь твоих проделок
И умоляю только об одном:
Ножами часовых бездушных стрелок

Не борозди любимое чело —
Пусть навеки юным остается;
Твое издревле острое стилlo
Пусть этой нежной кожи не коснется.

А впрочем... Мне и тут неведом страх:
Ведь юность будет жить в моих стихах.

Природа, наделив сполна девичьим
Румянцем и трепещущей душой,
Тебя явила в мир с иным обличем —
Ты преисполнен силою мужской.

Твой женствен взор, но он лишен кокетства,
Которое с рожденья им дано —
В тебе живут два пола по-соседству,
Мужчин и женщин ты пленишь равно.

Создать Природа девушку хотела,
Но отошла от плана своего,
Добавив кое-что. А мне и дела
Нет никакого до кое-чего,

Оно усладой будет для других.
Им — кое-что, любовь — для нас двоих.

Я не из тех поэтов, что в стихах
Предмет любви сверх меры восхваляют,
Ища ему сравненья в небесах:
Мол, эти очи звездами сверкают,

А эта кожа месяца белей,
А щеки, как восход, пылают ало, —
Иль ищут сходства в глубине морей:
О, жемчуг шеи! Ах, уста-кораллы!

К чему мне множить образы? С чего?
Предмету моего изображения
Для описанья красоты его
Не требуются преувеличенья,

Он сам собой хорош. И наконец,
Он – не товар, а я – не продавец.

So is it not with me as with that
Mvse.

Stirr'd by a painted beauty to his verse;

Мне зеркала бояться нет причины,
Мой возраст отражается не в нем:
Я отражен в тебе. Когда ж морщины
Проложит Время на челе твоём —

Меня, надеюсь, жадными перстами
Изымет смерть из жизни наконец.
Мы обменялись некогда сердцами
И с той поры – заложники сердец.

Беда обоим, если мы не станем
Оберегать их в круговерти дней
И баловать – подобно добрым няням,
Хозяйских опекающим детей.

Одно из них затихнет – и замрёт
Другое тотчас. И наоборот.

Подобно неумехе-лицедею,
Забывшему на сцене нужный стих,
Или тому, кто, в гневе свирепея,
Теряет чувства от избытка их, —

Перед тобою мой язык смолкает,
И я немого делаюсь немей,
И кажется – любовь ослабевает
Под грузом силы собственной своей.

Но ты же видишь: остаются взоры.
Они верней, чем сотни слов подряд.
Я говорю ясней, чем тот, который
Меня красноречивее стократ.

Раз есть глаза, излишни рты и уши:
Глазами говорю – глазами слушай.

Мой взгляд – художник. Он отобразил
Твой облик кистью точной и правдивой
И на скрижали сердца поместил,
Не преступив законов перспективы.

В моей душе портрет нетленный твой,
А плоть моя подобна тленной раме.
Глядится солнце в окна мастерской,
Твоими застекленные глазами.

На многое способен взгляд любви:
Хоть рисовать, хоть путь открыть для солнца;
Мои глаза – художники. Твои —
Моей груди прозрачные оконца.

Глаза умеют видеть и творить,
Но дверцу сердца им не отворить.

Обласканные светом сфер небесных
Пусть хвалятся созвездием наград,
Но я, один из множества безвестных,
Себя счастливей чувствую стократ,

Чем те, кто, видя милости от власти,
Спешат махровым цветом расцвести,
Когда ж придет – а ведь придет! – ненастье,
Не ведают, как пестики спасти.

Когда стратег, прославленный по праву,
Однажды все же проиграет бой,
Его сотрут из книги ратной славы,
Ни строчки не оставят ни одной,

А я любим, а я могу любить —
И этого никак нельзя лишить.

Ты царствуешь в любви, я – только данник,
И скромный мой сонет (куда ж скромней!)
В твой тронный зал вступает как посланник
С верительною грамотой моей.

Мой долг велик; гонец гроша не стоит:
И наг, и бос, и немота во рту.
Твой добрый взгляд, надеюсь я, прикроет
И немоту его, и наготу.

Из драгоценных тканей будет скроен
Тогда наряд изысканный его,
Чтоб стало ясно: я и сам достоин
Улыбки звезд, вниманья твоего.

До той поры – любовью поклянусь! —
Я во дворце твоём не появлюсь.

Окончен день, и я спешу уснуть,
Но стороной меня обходит дрема,
Поскольку мысли продолжают путь,
В паломничество прежнее влекомы.

Недвижно тело – сердцу не до сна.
Его удары поступи подобны:
Оно спешит к тебе! Хоть ночь темна,
Для сердца не сокрыт маршрут подробный:

Старухи-ночи мрачные черты
Разглаживая и преображая,
Как бриллиант, во тьме сверкаешь ты,
Дорогу сердцу ярко освещая.

Оно – за ночью ночь, я – день за днем
К тебе, не зная отдыха, идем.

Так как же быть? Где отдых для меня?
Все сутки напролет – одна забота.
Мне ночь не облегчает тягот дня,
И не снимает день ночного гнета.

День с ночью на меня пошли войной,
Содружество скрепив рукопожатьем:
Тот – ярким светом, та – глухою тьмой
Равно грозят, и что могу сказать им?

Что, если набегают облака,
Ты мне лучи светила заменяешь?
Что, если ночь беззвездно-глубока,
Ты для меня просторы озаряешь?

И всё тесней сжимаются тиски
Дневной печали и ночной тоски.

Когда я горько плачу над собой —
Отверженным, ненужным, одиноким,
Тревожа небо тщетною мольбой
О том, чтоб стало менее жестоким,

Чтоб одарило, как и всех вокруг,
Талантами, удачей, красотою,
Надеждами – и вспоминаю вдруг
Что, милый друг, я наделен тобою, —

То в тот же миг взмывает ввысь душа,
Как жаворонок вешний на рассвете,
Бесценный дар небес воспеть спеша:
Я награжден превыше всех на свете

Таким богатством, что и королю
Во сне не снилось: я тебя люблю.

Суд памяти велит держать ответ,
Мне некуда бежать от обвинений.
Я признаюсь в растрате лучших лет
И расхищенье тщетных устремлений

И кланяюсь, слезу с ресниц сморгнув,
Исчерпанной любви, друзьям ушедшим
И времени, которое, мелькнув,
Сменилось, настоящее, прошедшим,

Веду несчастьям давним пересчет,
К которым был я свыше предназначен,
И заново оплачиваю счет,
Как будто не был раньше он оплачен.

Но вспоминаю: ты со мной теперь —
И забываю горечь всех потерь.

Я знаю: дорогие мне сердца,
Которые исчезнувшими мнились,
Покинули наш мир не до конца —
Они в твоей груди преобразились.

Зря изрекал я горькие слова,
Зря изливал я слезы поминанья:
Ведь живы все, и вся любовь жива —
Лишь изменила место обитанья.

Ты – склеп, в котором дух ее сокрыт.
Былое возродилось в новом теле,
Тебе отныне то принадлежит,
Чем в дни былые многие владели.

Теней любимых не распался строй:
Они – в тебе, а ты – всегда со мной.

Ты будешь, я надеюсь, жив, когда
Меня запрет в могиле Смерть-хапуга,
И если перечтешь через года
Простые строчки умершего друга,

Не дерни снисходительно губой —
Мол, в деле сочинения сонетов
Куда мастеровитее любой
Из ныне существующих поэтов.

Не торопись! Продолжи речь свою:
«Будь он в живых, он рос бы вместе с нами
И мог одним из первых стать в строю
Тех, кто способен говорить стихами.

Люблю я строки их за мастерство,
Его же строчки – за любовь его».

Сто раз я видел, как встает восход,
Мир золотя от края и до края,
И зелень луга, и прохладу вод
Алхимией небес преображая.

Но тучи набегут в печальный час,
И солнце, не лаская больше взором
Ни высь вершин, ни синь ручьев, от нас
На западе скрывается с позором.

Был мой рассвет тобою озарен,
Твоим великолепием могучим,
Но вскоре наш испачкать небосклон
Приспело время безобразным тучам.

Я не в обиде: кто из нас не знает,
Что солнца без затмений не бывает.

Ты – солнце, и обещан был тобой
Прекрасный день. Вранье, уж не взыщи ты!
Твой скрылся лик за тучей грозовой,
И хлынул дождь, и нет нигде защиты.

Из облаков ты снова выйдешь к нам,
Но это положению не поможет:
Раскаянья целительный бальзам
Душевной раны излечить не может.

Так и бреду, придавленный крестом
Обиды тяжелой, нанесенной с ходу...
Но сразу же в обличии ином
Предстанут все невзгоды непогоды,

Лишь только их иначе назови:
Тот дождь был ливнем слез твоей любви.

Всё хорошо, не мучайся, винясь.
Есть свой червяк и в сладостном бутоне,
Шипы – у роз, в ручье прозрачном – грязь,
И тучи на лучистом небосклоне,

И сам я против истины грешу,
Идя в стихах на мелкие уловки,
И, обвиняя, оправдать спешу
Поступок твой негожий и неловкий.

С тебя снимаю рифмами вину
И лепечу: «Да что там... Да куда там...» —
Так, словно объявив себе войну,
Из прокурора стал я адвокатом

И признан буду – суд неумолим! —
Мой сладкий вор, подельником твоим.

С тобой мы – два в одном. Но полагаю,
Что лучше нам поврозь существовать,
Чтобы сплетня не осмелилась людская
Тебе мое бесчестье приписать.

Оно – мое, и ни к чему нам вместе
Ярем позора общего влачить;
Любовь не убывает от бесчестья,
Но и не может грязных пятен смыть.

Давай при встрече словно бы чужими
Держаться друг от друга в стороне,
Чтоб честное не запятналось имя,
Знакомством честь оказывая мне.

Ведь мы – одно! Лучами доброй славы
Я тоже буду озарен по праву.

Как дряхлый старец силой молодой
Гордится в детях – так же каждый день я,
Разрушенный безжалостной судьбой,
В тебе ищу и вижу утешенье.

Ум, благородство – список сей продлю —
Стать, красота... Еще черту какую
В него внести? Дозволь – любовь свою
Я к твоему богатству приплюсую!

Теперь оно несчетно. Тень его —
И та полна доподлинного света.
Я – мелкий пайщик дела твоего,
И никого меня счастливей нету:

Всё лучшее в тебе воплощено,
И частью мне принадлежит оно.

К чему мне Муза, если дышишь ты
И музыкой переполняешь душу —
Словами столь кристальной чистоты,
Что их порой отдать бумаге трушу?

И если что-нибудь в стихах моих
Окажется достойным для прочтенья,
Причиною тому лишь тема их:
В тебе таилось пламя вдохновенья.

Легко мне в одинокой тишине
За буквой букву ставить по порядку:
Десятой Музой ты явился мне,
Один затмив парнасскую девятку.

Отвечу так, если дождусь похвал:
Он — диктовал, я только записал.

Как мне воспеть бесценный образ твой?
Ты – часть моя, рожденная любовью,
И предстают бесстыдной похвальбой
Все похвалы мои и славословья.

Единое пора разъединить —
Ведь только так я, сирый, одинокий,
Смогу твой чистый образ воплотить
В исполненные искренностью строки.

Разлука непосильною была,
Когда бы не дарила нам досуга,
Забыв про ежедневные дела,
Все наши мысли посвящать друг другу.

Пространством мы с тобой разделены,
Но чувства всё равно разделены!

Ты взял, моя любовь, любовь мою.
И много ль приобрел? Ничтожно мало.
Сам знаешь: всё и вся, что я люблю,
И без того тебе принадлежало.

Ни капли гнева нет в моей крови,
Есть только сожаленье к заблуждению:
Ты думал, что любовь моей любви —
Вдвойне любовь? Тут ни при чем сложенье.

Ты извинен — и сам меня прости:
Ведь к общим чувствам мы причастны оба.
Уж лучше от любви удар снести,
Чем от коварно затаенной злобы.

Мой милый вор, пускай же будет так:
Ты враг не мне, и я тебе не враг.

Ты виноват – но как тебя винить?
Твоим летам поступки сообразны.
Не чудо обо мне порой забыть,
Когда вокруг столь многие соблазны.

Ты добр – тебя хотят завоевать,
Хорош собой – тебя берут в осаду.
Сын женщины не может устоять
Пред женщиной, а ей того и надо.

Но прежде, чем бесстыдно расхищать
Мое добро, призвать ты мог бы разум.
А ты не стал – и, словно жадный тать,
Две верности сумел похитить разом:

Ее – поскольку был излишне мил,
Свою – поскольку взял да изменил.

То, что ты с нею – бесконечно жаль,
То, что она с тобой – грустнее вдвое.
Любимые изменники! Печаль
Таким предположеньем успокою:

Ты полюбил ее за то, что я
Ее люблю; она мне изменяет
Лишь для того, чтоб приобщить тебя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.